

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЖИВАЯ АЗБУКА: РУССКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ»

УДК 372.416.2

ББК 442.6.819-411.2

ГСНТИ 16.01.09

Код ВАК 10.02.01

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

АЗБУКА КАК КЛЮЧ К ПОЗНАНИЮ МИРА¹

Аннотация. Азбука является важной составляющей познания мира и одновременно инструментом формирования и развития ментальности народа. Известно, что славянская, а затем и русская ментальность развивалась в глубокой зависимости от мощного источника средиземноморской культуры через становление и развитие кирилло-мефодиевских традиций почитания книжного и формирования особого духовного и материального пространства категориями и формами родного языка. За более чем тысячелетнюю историю кириллицы доказала свою органическую связь со славянским языком, в результате чего реформы алфавита незначительно затронули ее буквенный состав. Однако с «гражданки» Петра I, которая содействовала десакрализации азбуки, начинается процесс постепенной утраты действенности древних традиций почитания букв и поиск новых направлений обучения, ориентированного в основном на западные образцы (латинскую антикву) и методики. Это повлекло за собой утрату того богатейшего культурного пласта, которым является алфавитная система, имеющая многовековую традицию обучения письменности, а с ним — и отлучение от великой общей славянской истории «почитания книжного», в результате чего в буквари и азбуки XIX в. приходят другие слова для иллюстрации гражданского алфавита. Проведенный нами мониторинг содержания современных азбук для детей показывает случайность отбора иллюстративного материала. В связи с этим обосновывается необходимость сохранения традиций уважительного отношения к азбуке для укрепления российской ментальности.

Ключевые слова: русский язык; кирилло-мефодиевские традиции; славянская письменность; азбука; буквари; ментальность.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

ABC BOOK AS A KEY TO UNDERSTANDING THE WORLD

Abstract. The alphabet is an important component of knowledge of the world and at the same time it is the instrument of formation and development of mentality of the people. It is known that the Slavic, and then the Russian mentality, were developing in great dependence on a powerful source of the Mediterranean culture through formation and development of Cyril and Methodius appreciation of a book and formation of special spiritual and material space categories and forms of the native language. For more than a thousand-year history Cyrillic alphabet has proved its harmonious communication with Slavic languages, as a result of which reforms of the alphabet have slightly affected its alphabetic structure. However with Peter the Great's Russian type, there begins the process of gradual loss of the ancient traditions of honoring the letters, there is the search for the new directions of the training focused generally on the western methods (used to teach Latin alphabet in particular) and techniques. It has caused the loss of the richest cultural layer which the alphabetic system having centuries-old tradition of training of writing, and thus it caused the appearance of the new words illustrate the civil. The monitoring of the contents of modern ABC books for children shows random selection of illustrative material. In this regard we argue the necessity of maintaining traditions of respect for the alphabet to strengthen the Russian mentality.

Keywords: Russian language; Cyril and Methodius traditions; Slavic writing; ABC book; first reader; mentality.

Как ни странно, но в условиях глобализации, которая все больше напоминает революционное разрушение мира в стирании общечеловеческих традиций и внедрении искусственно возвращенных «европейских ценностей» и «демократических свобод», начинает ощущаться потребность в национальной специфике и даже в некоей доле консервативности. В этих процессах полев битвы нередко становятся языки, в отношении которых наблюдаются две диаметрально противоположные тенденции: или оберегание их от любого влияния иноязычной лексики или, наоборот, способствование укоренению иноязычных заимствований как самого надежного способа смены идеологии и быта. В русской истории в этом плане наиболее показательным было иноязычное вторжение в Петровскую эпоху, когда иноплеменные слова не только «вторгаются

толпами и неуклюже громоздятся в русской речи» [Буслаев 1867: 455], но и формируют сознание нового русского общества. Эту же цель преследовала и реформа русского алфавита Петра I, которая стала «своеобразной перегородкой между церковной и светской книжностью», более того — стала причиной, как показывает А. М. Панченко, «стремительной эволюции русской культуры» от слова к вещи [Панченко 2005: 299].

При этом следует отметить, что введение Петром I «гражданской азбуки» (1707–1710 гг.) практически не затронуло буквенный состав кириллицы, которая, как специфическая славянская азбука, идеально подходила ко всем славянским языкам и соответственно к русскому языку, о чем свидетельствуют ее незначительные изменения на протяжении более чем тысячелетней истории [Истрин 1988: 61–68, 159–178]. Поэтому реформа Петра I коснулась прежде всего изменения начертания букв — они стали более округлыми, приблизившись к шрифту

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ФЦП «Русский язык. 2016–2020» № 03.Z76.21.0065

печатной латиницы того времени. Были убраны надстрочные знаки над буквами, заменено принятое в средневековье буквенное обозначение цифр арабскими и римскими цифрами. Так изящно закончилась борьба Петра I с унаследованной от старых времен инерцией слова, поскольку он «всячески стремился ограничить влияние церковнославянской стилистики на светскую продукцию, уберечь последнюю от шаблонных слов — значит, и от шаблонных мыслей». В результате «гражданский шрифт стал своего рода перегородкой между церковной и светской книжностью» [Панченко 2000: 244]. С этого времени старая кириллица сохраняется в церковнославянских текстах, а новая становится собственностью русского языка.

Состав азбуки изменился незначительно [Азбука 1887]: Петр I из кириллицы собственной рукой вычеркнул заимствованные из греческого алфавита буквы, изначально ненужные для передачи славянской речи буквы¹: **Ѱ** — «пси», **ѱ** — «кси», **Ѳ** — «ижица», **ѳ** — «отъ (омега)», **Ѵ** — «фита». Данные буквы употреблялись в ограниченном количестве слов, как правило, религиозного характера (например, **Ѱсалтирь** — псалтирь). Исключены были и дублетные буквы: Петр I также собственноручно «почернил» **и** — «ижеи», или «и восьмеричное» (буква обозначала цифру 8) и сохранил **і** — «иже», или «і десятиричное»); убрал **ѡ** — «зѡло» и оставил **ѣ** — «земля», а также вывел диграфы **Ѡ (о + т)**; **Ѣ**, **Ѥ** (буква «ѣкъ», обозначавшая «у»).

В новой гражданской азбуке также не нашлось места для букв, которые оказались невостребованными вследствие развития фонетической системы русского языка: **Ѧ** — «юс малый», **ѧ** — «юс малый йотированный», **Ѩ** — «юс большой», **ѩ** — «юс большой йотированный» (звуки, обозначаемые данными буквами, были утрачены к XI в.).

Однако впоследствии некоторые буквы вновь вернулись в употребление и окончательно были выведены из алфавита реформой 1917–1918 гг., в результате которой вновь исключалась одна из дублетных «ф» (убиралась **Ѵ** — «фита», оставлялась буква **Ѷ** — «ферт»); убиралась буква **Ѣ** «ятъ», которая в результате развития фонетической системы стала обозначать тот же звук, что и буква **е**; буква **і** менялась на **и**. Изменилось отношение к буквам **ь** — «ерь» и **ѣ** — «еръ», которые к XIII в. утратили свое звуковое значение и стали применяться для обозначения твердости или мягкости согласных. Реформа 1917–1918 гг. исключила **ѣ** — «еръ» на конце слов, что привело к значительной экономии бумаги и краски.

За всю многовековую историю кириллицы в ней появились только две новые буквы для передачи изменений фонетической системы русского языка: **й** (введена Академией наук при реформе 1735 г.) и **ѐ** (впервые применена в 1797 г. Н. М. Карамзиным в альманахе «Аонида» взамен рекомендовавшегося диграфа **іо**).

При всех достоинствах нового гражданского шрифта и реформы русского алфавита, который освободился от архаики диакритических знаков, дублетных букв и числового бремени, следствием «гражданки» стала утрата кириллицей сакральности, которая бережно сохранялась от первоучителей славянского народа и взращивалась в славянской и русской системе познания письменности. Несмотря на то, что долгое время старая и новая азбуки подавались параллельно, названия букв стояли именно после «гражданских» литер. В итоге древние названия тоже оказались «почернены», тем более, что имена букв печатались старой кириллицей [Юности честное зеркало 1990: 1–6]. Вскоре исконные названия букв постепенно были выведены из употребления и заменены на безликие *a*, *bэ*, *вэ* и под. Этому способствовало и общее направление обучения, ориентированного в основном на западные образцы (латинскую антикву) и методики. В XIX в. авторы даже лучших азбук в поисках представления букв, алфавитной системы и начал чтения отказываются от сложившейся традиции Азбучных акростихов и текстов, излагающих начала славянской письменности.

В настоящее время, несмотря на наличие целого ряда спорных и нерешенных вопросов в проблеме возникновения славянской письменности и древнейших славянских азбук, большинство исследователей утверждают приоритет глаголицы как древнейшей славянской азбуки и связывают ее как оригинальную алфавитную систему с деятельностью Константина Философа. Слависты также считают, что он является автором знаменитого «Прогласа» — своеобразного послания Учителя славянам, цель которого «чловек вся отлучитъ от житія скотска и похоти. Слышити ныне от своего ума, слышите словенск народ, слышати слово, от Бога прииде ... бес книг язык в гласе смыслене не глаголюште... Нази бо вьси без книг языци»².

Вследствие приобщения славян к цивилизационным достижениям владеющих книжностью «великих языцех (народов)» «слепи прозрят, глуши слышат слово буквеное». Для Константина-Кирилла было так важно просвещение славянского народа, что он готов был восстать против ограничений трехязычной доктрины и навлечь на себя обвинения в ереси: «Не идѣт ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать народам своего письма, или завистливым, как если бы не хотел дать? Горе вам, книженики, что взяли себе ключ к познанию. Сами не входите и хотящим войти възбраняете» [Сказание 1981: 89].

По всей видимости, понимание Учителями славянского народа своей высокой просветительской миссии обусловило особое отношение к составлению азбуки для славян, где Константин Философ дал буквам такие названия, которые, как считают

¹ Данные буквы отсутствовали в глаголице, что свидетельствует о ее более органичном характере.

² Графика источников максимально приближена к современной.

исследователи, складывались в азбучную молитву. Об этом свидетельствует дошедшая до нас знаменитая Азбучная молитва Константина Преславского — ученика Мефодия, который в поэтическом осмыслении азбуки использует акростих по именам букв глаголицы. На основании Азбучной молитвы и древнейшего Сказания «О письменах» Черноризца Храбра, созданного в период, когда еще были живы свидетели рождения славянской письменности, а также с учетом того, что имена букв были сохранены и при смене глаголицы кириллицей, ученые (Н. С. Трубецкой, Е. Гергиев, К. М. Куев, Ф. Мареш, Л. Г. Карпенко, А. А. Турилов и др.) утверждают, что названия букв и их порядок — это особый азбучный «пролог» к чтению и письму, в котором, по мнению Л. В. Савельевой, «заложена идеологическая, социокультурная установка, направляющая познавательную деятельность человека в соответствии с нравственными ориентирами христианства» [Савельева 1994: 74].

Предлагается и реконструкция древнейшего азбучного именованного слова, принадлежащего его создателю, Константину Философу, оставившему славянам «программирующую микромодель письменной славянской культуры» [Савельева 2014: 29]:

Азь боуки веде / Глаголи добро есть // Живете зело земля / Иже(и) како // Людие мыслите / Наши онь покои // Рыци слово твердо / Укъ ферть // Хероувимь отъ печали / Ци червь — Я грамоту осознаю. Говори: Добро существует! Живи совершенно, Земля! Но как (же)? Люди, размышляйте! У нас потустороннее прибежище. Скажи слово непреложное. Научение избирательно: Херувим (отрешением печали?) или червь [Савельева 1994: 73].

Азбучный акростих неизменно сохранялся в древнерусских рукописях и перешел в первые печатные издания — Азбуку Ивана Федорова (Львов, 1574 г.) и Азбуку Ивана Бурцова (Москва, 1634 г.). Следует также отметить, что в свою азбуку Иван Бурцов вслед за Азбукой Ивана Федорова 1578 г. включил Сказание Черноризца Храбра, в котором повествуется о предыстории и истории славянской письменности, о «святом муже» Константине и особых достоинствах его азбуки. Для Бурцова это было так же значимо, как и для древнерусских книжников, тем более, что его Азбука предназначалась «*малым детям в научение и познание божественного писания и по всей велицей Руси рассеати. Аки благое семя в доброплодныя земли, яко да множится и растет в благочестии во всей его рустей земли и всяк благоверен учится и да навькает*» [Бурцов 1637: 105–105 об.]. Следует отметить и определенный подбор слов на буквы «для младых детей», например: *Буки — буди, Веди — вразумляю, Добро — даю, Есмь — емлю, Живете — живу, Земля — зижду, Мыслете — милосердие* и под.

Однако постепенная утрата сакральности славянской азбуки в ее гражданском облике повлекли за собой потерю того богатейшего культурного пласта, которым является алфавитная система, имеющая многовековую традицию почитания букв, а с ним — и отлучение от великой общей славянской истории «почитания книжного». Из буквarei и аз-

бук XIX в. исключаются их главные составляющие — азбучный Акростих и Сказание о начале славянской письменности, приходят другие слова для иллюстрации гражданского алфавита. Даже в весьма прогрессивных и вдумчиво составленных Азбуках К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого можно встретить такие примеры, как *Няня налей вина* [Толстой 1957: 33]; *дура, пиво; я лаю на вора; Наши гости много пили браги; Тётя была Петю; крыши кривы, блохи мелки, кошки хитры, стены плохи* [Ушинский 1949: 10, 12, 13, 20] и под.

Современные азбуки в основном идут по пути расширения знаний об окружающем мире, утилитарности, развлекательности, сопровождения букв различными, нередко превалирующими над буквами картинками и использования языковой игры вплоть до заигрывания. Безусловно, необходимо поддерживать традиции красочных азбук в стихотворном сопровождении, идущих от Кариона Истомина (1696 г.) и Александра Бенуа (1904 г.). Нужны разные азбуки, в том числе те, где на буквы алфавита подбираются слова определенных тематических групп — названий животных, растений, профессий и др. Возможны азбуки страны Медведии, бегемота Федота и др. Однако во всем разнообразии публикуемых сейчас азбук, как правило, подбор слов на буквы не всегда соответствует возрасту ребенка и особенностям его мировосприятия. Следует отметить, что уже при обсуждении «Азбуки» К. Д. Ушинского были сформулированы основные требования к детским книгам для чтения: «всякая хороша, если она понятна известному возрасту, занимательна, учит детей правде, добру» [Ушинский 1949: 413].

С этой точки зрения современные азбуки в большинстве своем отличаются только занимательностью, которая часто становится самоцелью, и вследствие этого они лишены концептуального смысла и напоминают игру в слова, поскольку, как правило, представляют не отбор слов, а их случайный набор, что со всей определенностью показано одним из авторов в презентации буквы А: «*Аист азбуку листает, Аистёнку вслух читает: — Ананас, арбуз, айва — Аппетитные слова*». Видимо, поэтому в Азбуке с названием «Для самых маленьких» имеются слова *нарвал, эму, подъязок, Акулина, Берта, Жорик, Ёся, свинья, як, червяк*. В других азбуках типичны слова *айва, ягуар, эмблема, бубен, жалюзи, паутина, носорог, гном, гири, гантели, юрок* и под. В стихах положение усугубляется необходимостью «укладывания» слов в рифму и стихотворный размер, отсюда тексты типа: «*Глядит горилла Гоша — газета городская. Грызть газету главную? — Гоша гадает. Грызи галеты, Гоша ...*», «*Буква Щ. Два зайца кастрюлю скребут сообща: один чистит щёткой, другой — буквой Щ!* У. Не могу я пиджачок В шкаф повесить на крючок. Отвалился! Прикручу Я шурупом букву У!» и под.

Опрос студентов филологического факультета Оренбургского государственного университета показывает, что слова на буквы первой в их жизни азбуки для них значимы и, как правило, сохраняются в памяти. В частности, большинство студентов букву А ассоциируют с *арбузом, Ф — филином* и их изображениями в первой азбуке. Эти слова они по-

вторяют и в своей азбуке, которую им было предложено составить для своих маленьких знакомых, родственников и будущих детей. Результаты показали, что составление СВОЕЙ азбуки базируется на тех же принципах языковой игры, без экспликации какого-либо смысла в системе азбуки. Более того — на фоне стандартных слов фиксируются слова деструктивного характера типа *бомба, хакер, киллер, жулик* и под. Если в определенной степени можно принять случайный набор слов (типа *жук, жаба, баобаб, жёллоб, цокот, фен, шобот, утконос, фильтр, хамелеон, фараон, череп, шорты, клык, цыган*), то позиции некоторых авторов азбук свидетельствуют о том, что они считают возможным включение слов типа *череп* и *жулик* для «расширения кругозора» ребенка, «полнения его знаний о мире» и др. Это свидетельство не только десакрализации азбуки, но и разрыва с традициями обучения письму как начала великого просвещения [Бекасова 2016].

Некие сколки многовекового почитания азбуки представлены в студенческих азбуках, но они теряются среди стандартных и случайных иллюстраций. Например: *А* представлено словами *ательсин* (44%), *арбуз* (37%) — *азбука* (6%); *Б*: *белка* (32%), *барабан* (29%) — *бабушка* (17%), *букварь* (2%); *В*: *волк* (43%) — *внучка* (2%); *У*: *утка* (42%), *улитка* (21%) — *улыбка* (9%), *урок* (1%) и др. Исключения составляют слова на букву *Д*: *дом* (61%), *дерево (древо)* (18%), *дедушка* (9%), *доброта* (6%), *дуб* (3%). Положительный эффект наблюдается в списке слов на *Х*: *хлеб* (44%) — *хомяк* (22%); *Ч*: *человек* (28%), *часы* (26%), *чашка* (12%), *чайник* (10%), *черепаха* (8%); *Ю*: *юла* (87%), *юг* (4%); *Я*: *яблоко* (86%), *якорь* (8%), *ягода* (4%). Достаточно «закрыт» набор слов на буквы, где сложно привести значительный список, например: *Ф*: *фонарь/фонарик, филин* (69%); *Ц*: *цыпленок, цирк, царь* (87%); *Ш*: *шанка* (42), *шар/шарик* (38%), *шišки* (12%), *школа* (2%); *Щ*: *щука* (54%), *щётка* (8%), *щенок* (8%), *щавель* (8%), *щека* (8%), *щи* (6%); *Ъ*: *объявление* (64%), *подъезд* (32%); *Ы*: *сыр* (44%) *мышь* (22%), *цыпленок* (12%); *Ь*: *соль* (36%), *вьюга* (28%), *мышь* (21%), *семья* (4%); *Э*: *экскаватор* (51%), *эскимо* (28%), *эхо* (12%), *экран* (4%).

Случайный набор не отражает детское восприятие таких важных тематических групп, как термины родства (нет слов *отец, брат, сестра, внук, сын, дочь*; слова *мама, папа, семья* — единичны), наименования важных понятий человеческих отношений (*дружба, любовь, благодарность, доброта, щедрость, храбрость* и под.). Наименования животных находятся в дисбалансе (нет, например, слова *собака* при наличии слов *эму, носорог, бегемот, жираф, хамелеон*), растительный мир не представлен словами типа *берёза, цветы*, зато есть *баобаб, цитрус*.

Следует отметить «вещный» аспект представленных слов, однако, например, в Букваре Кариона Истомина «названия вещи» решались притяжением главной цели азбуки — «ради любезного начертания отрочатом учащимся предложены виды во удобное звание в складе: да что видит, сие и назовет слогом письменна долголепнаго начертания тех», отсюда «всяк же пиши и чти сие в пользе». Поэтому тексты при буквах — чаще всего в начале — не дают забывать об азбуке и чтении: «Бытность из бога уча-

щимся буквы. Веде писмено изученому. Глаголь писмено. Добро учитися. Зело писмено. Право писати. Пиши мыслеть. Наш напишет. В писменах славян греческих разум» [Букварь 1694] и под. Складывается впечатление, что современные составители азбук не только об этом забывают, но и не знают, что алфавит — это своеобразный пролог к чтению и письму, которые являются одним из достояний человечества, несмотря на все возрастающее количество писанной, печатной и интернетной макулатуры.

Фрагменты восприятия алфавита как «одновременно кода и текста, излагающего этот код» [Савельева 1994: 23] еще живы в трех известных тактах *Аз буки веде* — *Я буквы знаю*, однако они требуют определенной поддержки со стороны составителей азбук, где необходим тщательный отбор «семян добродетельных», чтобы «множилось и росло добродетельное».

Опыт составления подобной современной азбуки, где бы учитывались достижения кирилло-мефодиевского почитания письменности, но без явно выраженного религиозного уклона, показывает, что возникает целый ряд проблем и в отборе слов, и в отборе сопровождающего азбуку дополнительного материала. Однако значимость подобной первой азбуки для малышей, вступающих в российское образовательное пространство, не вызывает сомнений, как и то, что она должна предназначаться для семейного чтения и содержать элементарные сведения о начале славянской письменности, об эволюции русской кириллицы, что закрывает лакуны нашего современного культурно-исторического пространства.

Отбор слов должен отражать концептосферу русского языка в той ее части, которая доступна детскому восприятию. В любом случае азбука для детей — дело основательное и серьезное, особенно с учетом того, что она первая и является своеобразными «воротами» не только в мир «учености», культуры и литературы, но и человеческой цивилизации, поскольку алфавит — это своеобразная «матрица», «форма для отлива», переливающая собственно признаки букв — в частности, имена букв — в новую систему» [Степанов 1991: 23].

В свое время А. С. Пушкин поставил диагноз обществу, отрекающемуся от своего прошлого: «Уважение к минувшему — вот черта, отделяющая образованность от дикости» [Пушкин 1978: 155]. Следует подчеркнуть, что история нашей азбуки — это одна из самых славных и значимых страниц в нашем прошлом. Потеря древних названий букв привела к утрате отношения к русским азбукам и букварям как общего славянского достояния — сакрального и культурного. Следует отметить, что славяне, перешедшие на латиницу, с особым почитанием относятся к деятельности Кирилла и Мефодия и славянской азбуке: для них «Проглас» Константина Философа является золотым фондом национальной литературы; жизнь и деятельность Учителей — базовым компонентом обучения и просвещения. В российском обществе, несмотря на установление в 1999 г. в качестве государственного праздника Дня славянской письменности и культуры, приуроченного ко дню памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия (24 мая), от-

ношение обратно пропорциональное — кириллица сохраняется в условиях утраты традиций почитания возникновения и развития славянской письменности. Это нередко приводит к тому, что некоторые студенты (включая и будущих учителей начальных классов) считают, что наша алфавитная система является латиницей.

Данному обстоятельству способствуют и дежурные фразы в новостях 24 мая, несмотря на поспешно складывающуюся традицию празднования, которая дает основание вспомнить об «ослепительной культурной вспышке зарождения оригинального славянского письма» [Трубачёв 2005: 24]. В этом направлении происходит постоянная редукция исторической памяти, в том числе и в подготовке ее главных проводников — учителей, поскольку в современном образовательном пространстве ослабляется культурно-просветительская значимость христианства и убирается исторический подход к изучаемому явлению. В частности, в учебном плане подготовки бакалавров на филологическом факультете Оренбургского государственного педагогического университета на старославянский язык планируется такое мизерное количество часов, которое не позволяет изучать его как важнейшую источниковедческую дисциплину славянских языков; как язык, сыгравший выдающуюся роль в становлении и развитии русского литературного языка, что не содействует восполнению вековой потери российской исторической памяти.

В этих случаях мы также имеем дело с упущенным воспитательным и образовательным ресурсом, более того, фактором, стремительно разрушающим нашу ментальность вследствие, как определяют эти процессы В. В. Колесов, «неорганического вторжения чужеродных ментальных категорий» [Колесов 1999: 137], а также легкомысленного стремления к креативности и предельной индивидуальности на фоне невежества и забвения традиционных человеческих, славянских и российских ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

Азбука с исправлениями императора Петра Первого и указом его о введении в употребление гражданского шрифта. — СПб.: Типография В.С. Балашова, 1877. — 19 с.

Бекасова Е. Н. «Источник учительный»: значимость книжного знания в формировании человеческой цивилизации // Филологический класс. — 2016. — № 3. — С. 7–1.

Букварь, составленный Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 г. в Москве // Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Л.: Изд-во «Аврора», 1981. — 43 с.

Буриц В. Ф. Азбука. — 2-е изд. — М., 1637 (репринт 1885 г.). — Режим доступа: <http://www.raruss.ru/images/stories/slavonic/abc-burtzov-1637/abc-burtseva-1637.pdf> (дата обращения: 11.11.2016).

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. — 2-е изд. — М.: Изд-во Братьев Силаевых, 1867. — 477 с.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: «Златоуст», 1999. — 368 с. — (Язык и время. Вып. 2).

Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. — 544 с.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. — СПб.: Азбука, 2000. — 464 с.

Пушкин А. С. Наброски статьи о русской литературе // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. Критика и публицистика. — 4-е изд. — Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1978. — С. 155–156.

Савельева Л. В. Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. — 1994. — № 5. — С. 67–74.

Савельева Л. В. К проблеме первого оригинального текста (в продолжение дискуссии) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2014. — Вып. 3. — С. 25–31.

Сказание о начале славянской письменности. — М.: Наука, 1981. — 199 с. — (Памятники средневековой истории народов центральной и восточной Европы).

Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкознания. — 1991. — № 3. — С. 23–45.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874–1878 гг.). — М.: ГИХЛ, 1957. — 696+XXXIX с.

Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 2005. — 286 с.

Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 6. Родное слово. Книжки для детей первого и второго года. — М.–Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1949. — 448 с.

Юности честное зерцало. — Репринтное издание. — М.: Изд-во «Планета», 1990.

REFERENCES

Azбука s ispravleniyami imperatora Petra Pervago i ukazom ego o vvedenii v upotreblenie grazhdanskago shrifta. — SPb.: Tipografiya V.S. Balashova, 1877. — 19 s.

Bekasova E. N. «Istochnik uchitel'nyy»: znachimost' knizhnogo znaniya v formirovaniy chelovecheskoy tsivilizatsii // Filologicheskii klass. — 2016. — № 3. — S. 7–1.

Bukvar', sostavlemyy Karionom Istominym, gravirovan Leontiem Buninym, otpechatan v 1694 g. v Moskve // Faksimil'noe vosproizvedenie ekzemplara, khranyashchegosya v Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteke im. M.E. Saltykova-Shchedrina. — L.: Izd-vo «Aurora», 1981. — 43 s.

Burtsov V. F. Azбука. — 2-e izd. — M., 1637 (reprint 1885 g.). — Rezhim dostupa: <http://www.raruss.ru/images/stories/slavonic/abc-burtzov-1637/abc-burtseva-1637.pdf> (data obrashcheniya: 11.11.2016).

Buslaev F. I. O prepodavanii otechestvennogo yazyka. — 2-e izd. — M.: Izd-vo Brat'ev Silaevykh, 1867. — 477 s.

Kolesov V. V. «Zhizn' proiskhodit ot slova...». — SPb.: «Zlatoust», 1999. — 368 s. — (Yazyk i vremya. Vyp. 2).

Panchenko A. M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura. — SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2005. — 544 s.

Panchenko A. M. O russkoy istorii i kul'ture. — SPb.: Azбука, 2000. — 464 s.

Pushkin A. S. Nabroski stat'i o russkoy literature // Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. T. VII. Kritika i publitsistika. — 4-e izd. — L.: Leningradskoe otdelenie izd-va «Nauka», 1978. — S. 155–156.

Savel'eva L. V. Istoki i zagadki nashey azbuki // Russkaya rech'. — 1994. — № 5. — S. 67–74.

Savel'eva L. V. K probleme pervogo original'nogo teksta (v prodolzhenie diskussii) // Vestnik SPbGU. Ser. 9. — 2014. — Vyp. 3. — S. 25–31.

Skazanie o nachale slavyanskoy pis'mennosti. — M.: Nauka, 1981. — 199 s. — (Pamyatniki srednevekovoy istorii narodov tsentral'noy i vostochnoy Evropy).

Stepanov Yu. S. Neskol'ko gipotez ob imenakh bukvy slavyanskikh alfavitov v svyazi s istoriey kul'tury // Voprosy yazykoznaniya. — 1991. — № 3. — S. 23–45.

Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy. T. 21. Novaya azbuka i russkie knigi dlya chteniya (1874–1878 gg.). — M.: GIKhL, 1957. — 696+XXXIX s.

Trubachev O. N. V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. — 3-e izd., dop. — M.: Nauka, 2005. — 286 s.

Ushinskiy K. D. Sobranie sochineniy. T. 6. Rodnoe slovo. Knigi dlya detey pervogo i vtorogo goda. — M.–L.: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFR, 1949. — 448 s.

Yunosti chestnoe zertsalo. — Reprintnoe izdanie. — M.: Izd-vo «Planeta», 1990.

Данные об авторе

Елена Николаевна Бекасова — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург).

Адрес: 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: bekasova@mail.ru.

About the author

Elena Nikolaevna Bekasova — Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).